

Фрэнсис Брет Гарт

Сафо с Зелёных Ключей

Фрэнсис Брет Гарт

Сафо с Зеленых Ключей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9068457

Аннотация

«– Войдите! – сказал редактор.

Дверь редакционного кабинета тоскливо заскрипела под неловким и непривычным напором нерешительной руки. Это продолжалось до тех пор, пока разгневанный редактор сборника «Эксцельсиор», с юношеским проворством перекинув ногу через ручку своего кресла, повернулся лицом к двери. Ухватившись одной рукой за спинку кресла, не выпуская из другой корректурного листка и стиснув в зубах карандаш, он сурово взглянул на вошедшего...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фрэнсис Брет Гарт

Сафо с Зеленых Ключей

Глава I

– Войдите! – сказал редактор.

Дверь редакционного кабинета тоскливо заскрипела под неловким и непривычным напором нерешительной руки. Это продолжалось до тех пор, пока разгневанный редактор сборника «Эксцельсиор», с юношеским проворством перекинув ногу через ручку своего кресла, повернулся лицом к двери. Ухватившись одной рукой за спинку кресла, не выпуская из другой корректурного листка и стиснув в зубах карандаш, он сурово взглянул на вошедшего.

Гость, не взирая на свое робкое появление, по-видимому не был ни мало смущен. Это был человек высокого роста и казался еще выше благодаря длинной, бесформенной накидке, надеваемой для защиты от пыли, и длинной прямой бороде, которую он расчесывал двумя пальцами, задумчиво рассматривая редактора. Мелкая красная пыль, слоями лежавшая в складках его платья и на мягкой войлочной шляпе, покрывала также густо и обувь, так что ступая по полу он оставлял следы своих подошв, как бы окруженных красным сиянием; это обстоятельство изобличало в нем или местного

обывателя, или новоприезжого из окрестностей.

– Заняты? – спросил он низким и приятным голосом. – Я могу подождать. Продолжайте. Обо мне не заботьтесь.

Редактор свободной рукой указал ему на стул и снова погрузился в корректуры. Незнакомец с серьезным любопытством обозрел скудную меблировку и прочие принадлежности редакторского кабинета, потом сел на стул и устремил внимательный взор на лицо редактора, сидевшего к нему в профиль. Редактор почувствовал на себе его взгляд и, не оглядываясь, сказал:

– Вам что угодно?

– Да вы заняты. Я подожду.

– Я все утро буду так же занят. Вы говорите, я слушаю.

– Мне нужно узнать имя одной особы, которая сотрудничает в вашем журнале.

Редактор мельком взглянул на выдвижной ящик правой колонки своего письменного стола. Имен сотрудников там не было, но зато был револьвер, что по традициям конторы «Эксцельсиор» было пожалуй нужнее. До сих пор ему еще не приходилось прибегать к таким справкам ни для кого из подписчиков, однако, его юная физиономия слегка омрачилась, он не без досады отодвинул корректурные листки и спросил: – Вам это зачем собственно нужно?

Гость так мало ожидал этого вопроса, что слегка покраснел и замаялся. Тем временем редактор, не сводя с него глаз, мысленно перебирал содержание последнего номера «Сбор-

ника». Вся книжка носила самый мирный характер: не было, казалось, ни единой статейки, могущей побудить к кровопролитию. Однако – кто ж его знает! Несмотря на идиллическую внешность, очень может быть, что этот господин замышляет драку. Существовало-же сказание, что предшественник настоящего редактора безвинно погиб от руки какого-то разгневанного профессора, явившегося в контору с объяснениями научного характера и с геологическим молотком в кармане.

– Так как мы берем на себя ответственность за содержание журнала, – продолжал юный редактор с подобающей солидностью, – то у нас нет обычая разоблачать имена наших сотрудников. Если вам не нравится котораянибудь из статей...

– Напротив, нравится, – перебил гость все также спокойно: – мне потому и захотелось узнать, кто автор стихотворения «Подлесок», напечатанного в последнем номере за подписью «Белая Фиалка». Прелестные стихи.

Редактор покраснел и невольно оглянулся, чтобы убедиться, что не было посторонних свидетелей его постыдного заблуждения. Насмешек он боялся пуще всего на свете, а потому ему не так страшно было первоначальное предположение как то, что ктонибудь об этом догадается.

– Да, стихи хорошенькие, – сказал он успокаиваясь и принимая критический тон, – очень рад, что они вам понравились. Но даже и при этом условии, знаете ли, не имею права открывать вам имя этой дамы без её дозволения. Если хоти-

те, я напишу к ней, спрошу.

Говоря по правде, стихотворение было прислано в редакцию без имени автора, из какого-то дальнего селения Побережных Гор, адрес был дан просто «в почтовую контору до востребования» и подписан двумя буквами.

Посетитель казался озадаченным. – Значит, она не живет гденибудь тут по близости? – спросил он, неопределенно поводя рукою: – она не принадлежит к вашей конторе?

Юный редактор просиял сознанием своего превосходства.

– К сожалению, нет! – отвечал он снисходительно.

– Хотелось-бы мне какнибудь увидеть ее, да порасспросить кое о чем, – продолжал гость все также серьезно и раздумчиво.

– Видите ли, меня поразили собственно не то чтобы сами стихи, хотя они какие-то певучие и вот точно сами в душу лезут... Правда? И не то чтобы слова были особенные, хотя каждое слово там у места и как раз попадает в цель;– и не мысли, и не нравоучение, которое она там выводит под конец... Но самая-то эта вещь мне нравится, правда-то эта.

– Правда? – повторил редактор.

– Ну да. Я ведь там бывал. Сам видал то, что она видит в этом подлеске: все эти искры света и теньевые пятна в серой мгле, так что не можешь понять, откуда проникают эти блески сквозь лесную гущину, и только думаешь ухватить этот луч, как он ускользает точно змейка или ящерица. И все, что ей там слышится, как что-то ползет, вздыхает, шепчется

в кустах, в траве, в папоротнике, – и я тоже это слышал.

– Да вы, как я вижу, сами поэт! – воскликнул редактор с покровительственной улыбкой.

– Я? Нет, я торгую лесом, – отвечал незнакомец просто-душно: – у меня в Мендосино лесопильная мельница. Ездишь, знаете, по лесам-то, присматриваешься к деревьям на корню, и так, и этак пробуешь свойства их узнать, ну и привыкаешь замечать. – Он помолчал и потом грустно прибавил: – Так вы не знаете, кто она такая?

– Нет, – отвечал редактор с расстановкой, – не знаю даже и того, точно ли это женщина писала.

– Что-о?

– Да видите ли, Белая фиалка – ведь это псевдоним одинаково возможный и для мужчины и для женщины, особенно если иметь в виду сбить с толку публику. Почерк, помнится, скорее мальчишеский, чем женский.

– Нет! – упрямо возразил гость, – это не мужчина писал. Там есть мысли такие и словечки, которые только женщине могут придти в голову: с птицами там заговаривает, опасается козявок, боится червяков и ползунов всяких. Все это, согласитесь, не вяжется с мыслью о брюках и высоких сапогах... И следовательно, – прибавил он вдруг с прежним оттенком терпеливого разочарования, – вы не имеете ни малейшего понятия о том, какая она из себя?

– Нет, – отвечал редактор ободряюще и подумав: какая однако ж странная смесь чувствительности с деловито-

стью! – прибавил: – По всей вероятности она совсем не похожа на то, что вы воображаете: это может быть мать троих или четверых ребят; или старая девица, содержательница меблированных комнат; или высохшая школьная учительница, или наконец какойнибудь подросток с школьной скамьи. У меня есть, знаете, очень миленькие стихи от четырнадцатилетней девочки: рыжеволосая такая, здесь в пансионе учится, – заключил редактор с профессиональным хладнокровием.

Посетитель посмотрел на него с наивным удивлением неопытного человека; но заплатив эту дань высшему знанию, он снова впал в свое серьезное, раздумчивое настроение, и сказал: – Ну, нет, она не из таких. Однако я вас задерживаю, прощайте. Меня зовут Боуэрс, Джим Боуэрс, из Мендосино. Коли будете в наших краях, заверните ко мне. А если станете писать к этой... Белой фиалке, и она согласится, так вы уж пожалуйста пришлите мне её адрес.

Он схватил редактора за руку и с такой необыкновенной горячностью пожал ее, что у редактора рука стала тоже горячая. Затем он ушел и, по мере того, как отголосок его шагов замирал в коридоре, редактор чуть ли не успел начисто позабыть о его существовании, с жаром уткнувшись в свои корректуры.

Вскоре однако же до слуха его достигли из сеней звуки тихо напеваемой мелодии и неспешные шаги человека, спускавшегося по лестнице из верхнего этажа. То и другое было нашему редактору приятно и знакомо: это шел из своей

квартиры только что вставший с постели мистер Джек Гэмлин, ремеслом картежник, а от природы музыкант: отправляясь в ресторан завтракать, он каждое утро заходил в деловой кабинет своего приятеля и просматривал биржевую хронику.

Дверь отворилась без скрипа. Распространился нежный запах душистого мыла, на редактора пахнуло чем-то свежим и чистеньким, мягкая, почти женственная рука на секунду опустилась на его плечо, легкая и стройная тень промелькнула мимо и через минуту Джек Гэмлин, скомкав в руке газету, брезгливо обтирал ею пыльное сиденье.

– Пора-бы тебе хорошенько турнуть своего конторщика, чтобы он держал комнату почище, – сказал он, переставая петь и с отвращением глядя на красную пыль, которою мистер Боуэрс обильно усыпал свой путь.

Редактор не оглядывался, покуда не сладил с каким-то затруднительным параграфом. Мистер Гэмлин тем временем уселся поудобнее на камышовый диванчик, заменил нежный романс еще более нежным и трогательным свистом и развернул газету. Безукоризненно опрятный, изящный с головы до ног, этот человек имел дар, восстав от сна в два часа пополудни, казаться таким физически чистым и нравственно возвышенным, как будто он встал с зарей и умылся росой, по народному поверью.

– Жаль, что полчаса назад тебя здесь не было, Джек, – сказал редактор.

– А что, свалка была? – отозвался Джек с некоторым интересом.

– Нет! – сказал редактор рассмеявшись и рассказал про только что ушедшего посетителя, несколько преувеличивая юмористическую сторону происшествия, по своему обыкновению. Но Джек даже не улыбнулся.

– Его следовало сразу вытолкать в шею, – сказал он. – Какое он имеет право являться сюда выведывать дамские секреты, раз что он сам предполагает, что это дама? Положим, вероятнее всего это старая ведьма с красным носом и взбитыми волосами, которая помощью своих стишков надеется подцепить какогонибудь молокососа, – заключил Джек, с одинаковым цинизмом относившийся и к женщинам, и к литературе.

– Я ему так и сказал, – заметил редактор.

– Вот именно этого-то и не следовало ему говорить! – возразил Джек. – Ты должен был стоять за эту женщину, как за мать родную. Господи! Как это вы не умеете порядочно издавать журнал. Вот кабы я засел в твое кресло, я бы тебе показал, как нужно обходиться с публикой.

– А ты как-бы поступил, Джек? – спросил редактор, с радостным удивлением видя, что его «герой непобедимый» поддался общечеловеческой слабости и тоже не прочь подавать советы на счет издательского дела.

– Как бы я поступил? – начал Джек с расстановкой: – во первых, дитя мое, я бы не держал револьвера в закрытом

ящике, в который за ним еще лазить нужно.

– Ну, а что-бы ты сказал?

– Да спросил бы, например, почему нынче бревна в Мендосино, и когда он ответит, сказал бы, что нам теперь ни бревен, ни дубин не требуется, – объяснял Джек с ласковой кротостью. – В таких вопросах, видишь ли, нельзя допускать ни малейшего легкомыслия. Писать-то ты, дружок мой, мастер, что и говорить, но положительно не умеешь поддерживать свое редакторское достоинство. Пожалуйста продолжай свою работу, я не буду мешать.

Выслушав наставление, редактор снова взялся за корректуру, а его приятель опять вполголоса затянул прерванный романс, но не выдержал и через несколько минут спросил: – Где у тебя это стихотворение, черт бы его драл?

Редактор, не отрываясь от работы, помахал карандашом в ту сторону стола, где лежала не разрезанная книжка сборника «Эксцельсиор».

– Что ж ты думаешь, я читать стану, что ли? – сказал Джек обиженным тоном: – Расскажи просто, о чем там писано. Ты редактор, я думаю это твое дело.

Но юный литератор, серьезно озадаченный какими-то сложными опечатками, в которых не мог доискаться смысла, сморщил брови и нетерпеливо отмахнулся тем же карандашом. Джек вздохнул и взял со стола книжку сборника.

Наступило продолжительное молчание, прерываемое лишь шуршанием бумаги и скрипением кресла, на котором

по временам с досадой поворачивался редактор. Солнце зашло в комнату и протянуло пыльный луч от окна через письменный стол. Джек давно перестал и петь, и свистать. Наконец редактор с удовольствием крикнул, отложил последний корректурный лист и оглянулся.

Джек Гэмлин уже не читал. Закинув одну руку за спинку дивана, а другой держа закрытую книгу, он придерживал в ней своим тонким указательным пальцем страницу, чтобы не смещать. Его изящный профиль и темные ресницы были подняты и обращены к окну.

Видя столь необычную задумчивость, редактор улыбнулся и преспокойно спросил:

– Ну, как они тебе понравились?

Джек встал, обдернул обеими руками свой белый жилет и подошел к столу. Его дерзкие глаза сияли, но были полузакрыты. Он облокотился на стол и, глядя на приятеля сверху вниз, сказал тихо:

– Они проникают в душу, точно поют, – и помолчав прибавил: – А ты не знаешь, какая она из себя?

– Точь в точь как мистер Боуэрс у меня спрашивал! – заметил редактор.

– А ну его к черту, этого Боуэрса!

– Вероятно, и ты желаешь, чтобы я к ней написал и попросил позволения дать тебе её адрес? – спросил редактор с удвоенной серьезностью.

– Нет, – сказал Джек хладнокровно, – через неделю я сам

тебе сообщу её адрес, а ты за это угости меня завтраком. Мне было-бы приятно сознавать, что и я могу иметь заработок по литературной части. Если-же я не дам тебе адреса, то обязуюсь угостить тебя обедом. Хорошо?

– Идет! – сказал редактор. – А ты пока ничего о ней не знаешь!

– Ровно ничего. А ты?

– Да только то, что я тебе говорил.

– Ладно. До свидания.

И Джек, надев набекрень свою шелковую шляпу, так что она едва держалась на его кудрях, легкою поступью вышел из комнаты.

Глядя на его удаляющуюся красивую фигуру и прислушиваясь в мелодическому свисту, раздававшемуся тотчас за дверью, редактор подумал, что обещанный обед едва ли состоится.

Тем не менее он с новым усердием принялся за свои однообразные занятия. Но с уходом Джека прошла как будто и вся поэзия дела. Приходил фактор типографии, потом издатель; они вели разговоры чисто практического характера. Наконец пришла почта. Перебирая письма, редактор увидел на одном из конвертов тот самый некрасивый и мальчишеский почерк, которым было написано анонимное стихотворение. Он с большим интересом разорвал обложку: она заключала в себе еще одно стихотворение и кроме того на отдельном лоскутке бумаги письмо, гораздо длиннее предыду-

щего, но за тою же подписью. Редактор развернул сначала письмо и вот что он прочел с возрастающим удивлением:

«Господин редактор! Я вижу, что вы поместили мои стихи, но не вижу того, что должно бы за этим следовать. Может быть, вы не знаете куда посылать? Так я вам сообщу. Присылайте деньги через курьерский дилижанс Уэльса и Фарго в почтовую контору „Зеленых Ключей“, под № 47; там я и получу, потому что не хочу, чтобы мои родные знали. У нас дома чопорны и пожалуй найдут унизительным писать для журналов за деньги. Пришлите по расчету, сколько обыкновенно платится за стихи. Не думаете ли вы, что я вам даром стану стихи писать? Очень ошибаетесь.

Преданная вам Белая Фиалка».

«P.S. Если у вас за стихи платы не полагается, прошу вернуть мне прилагаемую поэму. Она ничуть не хуже предыдущей, а написать ее было не легче той. Понимаете? Ну то-то-же, знайте наших.

Белая Фиалка».

Редактор подумал, что присланная поэма должна быть какой-нибудь фарс и поспешил развернуть рукопись. Но нет! С первых же строк на него опять пахнуло тем умственным спокойствием, изяществом образов и чистотой воображения, которыми отличалась первая рукопись. И однако почерк везде был один и тот-же: им были написаны и оба прелестные стихотворения, и странное письмо.

Уж не вздумал ли кто-нибудь подшутить над ним, не при-

сылают ли ему чужих стихов, прежде напечатанных? Да нет, сейчас видно, что это стихотворения не только оригинальные, но так сказать туземные и притом новые, хотя в них встречаются некоторые старо-английские слова, употребляемые теперь только в юго-западных штатах северной Америки. Ему и прежде казалось, что почерк очень не гармонирует с текстом и что ради полной анонимности автор вероятно прибегает в помощи переписчика. Но как же согласить это нелепое, грубоватое и корыстное письмо с тем духовным изяществом, которым пропитаны обе поэмы. Возможно ли, чтобы одно и тоже лицо было их автором? Редактор криво усмехнулся и подумал о посетивших его в то утро Боуэрсе и Джеке. Его поразило между прочим то, как он сам верно угадал, расписывая сильно заинтересованному Боуэрсу вероятное несоответствие внешних качеств поэтессы с её талантом.

Однако, хорошо ли будет скрыть это обстоятельство от Джека? Принимая во внимание предложенное им пари, это пожалуй нечестно. Впрочем, едва ли одно рыцарское благородство понудило редактора позвонить слугу и послать справиться, дома ли мистер Гэмлин; гораздо проще предположить, что в нем шевельнулась довольно обыкновенная мысль; посмотрим, какую-то рожу вытянет Джек, прочтя такое письмецо!

Когда слуга ушел наверх, редактор сел к столу и поспешно написал следующее:

«Милостивая государыня! Вы столь-же правы как и вели-

кодушны, предположив, что только незнание вашего адреса причиной, что издатель еще не доставил вам гонорара за ваши превосходные стихи. С этою-же почтой вы получите что следует указанным вами способом. Так как ваше стихотворение пользуется заслуженным успехом, ко мне обращались с просьбою сообщить ваш адрес. Если бы вам угодно было доставить его мне, я бы счел за большую для себя честь такое доказательство вашего доверия. Впрочем, решение этого вопроса всецело зависит от вашей доброй воли и личных соображений. С величайшим удовольствием принимаю вторичное произведение „Белой Фиалки“ и пользуюсь случаем засвидетельствовать вам, милостивая государыня, свое совершенное уважение.

Редактор».

В ту минуту, как он складывал письмо, слуга возвратился и доложил, что мистера Гэмлина нет дома и даже, по уверению Пэта (старого негра, слуги мистера Гэмлина), с час тому назад его барин отправился на несколько дней «за город».

– Не сказал, куда уехал? – осведомился редактор.

– Нет, сэр; Пэт ничего не знает.

– Ну, хорошо. Ступай, снеси вот это издателю.

Редактор написал адрес на письме, нацарапал несколько иероглифических знаков на памятном листе, вырвал его из книжки и все вместе передал слуге.

Спустя час времени он сам пришел к издателю и сказал ему довольно небрежно:

– Следующая книжка у меня почти готова. Мне бы хотелось отдохнуть, уехать дня на два.

– И отлично, – сказал издатель, – отдыхайте на здоровье. Куда думаете съездить?

– Да еще сам не знаю. Не решил.

Глава II

– Ого! – крикнул Джек Гэмлин.

Он осадил свою лошадь на краю крутого обрыва. То было тесное горное ущелье, шириной не больше пятидесяти футов, но глубиной не меньше двухсот, служившее руслом горной речке, которая то тихо скользят, то быстро перебегающая, то звучно падая, достигала самого дна расселины и там терялась в однообразном, неумолкаемом рокоте. Две высокие сосны, росшие на противоположном краю обрыва, вывороченные с корнями, повалились поперек ущелья: одна из них, прямая и стройная как стрела, зацепилась верхними ветвями за верхушку клена, росшего по эту сторону ущелья, и образовала нечто в роде воздушного моста, по которому в эту самую минуту бестрепетно перебирался мальчик лет четырнадцати. К нему и относилось восклицание мистера Гэмлина.

Мальчик остановился на полдороге через пропасть и взглянув сверху вниз на всадника, хладнокровно отозвался: – Ну так что-же, что ого?

– Разве нет другой дороги через эту чертову дыру, или вы ее всем другим предпочитаете? – продолжал Гэмлин очень серьезно.

Мальчик присел верхом на ветку и, болтая босыми ногами над бездной, вперил критический взгляд на собеседника. Джек для этого случая изменил несколько свою внешность:

вместо обычного щегольского костюма, предписанного современной модой, он оделся на подобие испанского вакэро, т. е. надел широчайшие белые штаны с мелкими сборками, пунцовый широкий кушак, куртку и сомбреро (широкополую черную испанскую шляпу), что было чрезвычайно живописно и сидело на нем гораздо красивее, чем на настоящем вакэро. Мальчик не отвечал. Это удивило и даже обидело мистера Гемлина, который всегда гордился своим умением ладить с женщинами, ребятами, лошадьми и всякими вообще неразумными существами. Однако, он улыбнулся и промолвил спокойно:

– Подите-ка сюда, Джордж Вашингтон; мне нужно с вами потолковать.

Мальчик не стал оспаривать столь лестного, хотя и невозможного титула, но, подобрав ноги, встал на сосновый ствол и перебравшись до его вершины, перелез на клен. Тут он с ловкостью настоящей белки стал спускаться вниз, то перекакивая с одной ветки на другую, то хватаясь за них руками и перемахиваясь на лету, и вскоре совершенно легко и свободно очутился на земле. При близком рассмотрении оказалось, что он красивый мальчик, впрочем, настолько загорелый и покрытый веснушками, что его овальное лицо напоминало какое-то птичье яичко. Джек Гэмлин тотчас подумал, что этот мальчик вполне к стати в такой обстановке и составляет столь же необходимую черту этой лесной чащи, как и журчанье невидимого ручья, и бархатные тени, трепетав-

шие на лоснящейся шкуре его белой лошади, и этот жаркий воздух, напоенный запахом лаврового дерева. Если бы мистер Гэмлин имел более определенные понятия насчет лесных фавнов и дриад, он вероятно не усомнился бы в возможности встретить их именно тут.

– Я не расслышал, что вы там говорили, генерал? – заметил он с утонченной любезностью, – но ваша установившаяся репутация мне порукой, что вы не изволили соврать. Из этого я могу заключить, что другой переход через эту пропасть существует?

Мальчик улыбнулся: от этого его верхняя губа, очень короткая, совсем исчезла, выказав ряд белейших зубов, а совершенно черные глаза так и запрыгали от удовольствия.

– А вы не сумеете его отыскать! – сказал он лукаво.

– Да ведь и вы не нашли-бы вот этого доллара, кабы я вам не помог.

С этими словами мистер Гэмлин нагнулся к своему левому стремяни и указал на землю, где в траве так и заблестел новенький доллар. Это был один из его фокусов, который всегда удавался, доставляя притом великое удовольствие и выгоду ребятишкам, а иногда немалый конфуз и даже проигрыш старшим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.